

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

С.В. ЛУРЬЕ

Восприятие народом осваиваемой территории*

Процесс освоения территории связан с адаптацией человека к среде обитания (природной и социокультурной) - в том числе с психологической адаптацией. В ее ходе формируются определенные модели человеческой деятельности, имеющие целью снизить степень психологической дисгармонии от восприятия человеком мира, сделать мир более комфортным. Эти модели всегда в той или иной степени иррациональны, хотя часто получают якобы рациональное истолкование. Однако более пристальный взгляд на характер освоения народами новой территории показывает, что в поведении людей сплошь и рядом обнаруживают себя незаметные для них нелогичности, являющиеся следствием психологической адаптации человека к окружающему миру. Каждая культура формирует свой особый "адаптированный", комфортный образ реальности. Также формируется и образ осваиваемого пространства.

В чем разница в восприятии различными народами той территории, которую они осваивают? Начну с примеров.

Один из наиболее крупных исследователей динамики русской крестьянской общины А. Кауфман писал: «Почему прогрессирующее утеснение (земельных ресурсов - *С.Л.*) приводит к такой, а не обратной эволюции - к развитию уравнительного пользования, а не к фиксации подворного владения? Это, может быть, возможно объяснить "правом на труд"? - но почему это право повлияло в данном направлении в Сибири, вероятно, повлияло так в Великокоросских губерниях, но не пометало фиксации подворных владений на Украине?» [1, с. 44]. Действительно, статистика весьма любопытна: общий процент общинных землевладений в Великокороссии к началу XIX века колебался от 98% (в северных и восточных регионах) до 89% (в южных и западных районах) [2, с. 71], почти таков же он в Восточной Армении - 86% [3, с. 40], относительно высок в Бессарабии - 77%, зато в Белоруссии и Левобережной Украине составляет приблизительно 35% [2, с. 71]; в Грузии и Литве, у финского населения Российской Империи этот показатель равен нулю. Степень соседства, близость общения, стиль правительственного вмешательства, уровень развития капитализма весьма незначительно сказывались на таком существенно важном факторе жизнедеятельности народа, как характер землепользования.

Сравним способ освоения русскими и западными финнами-тавастами северных регионов с их суровым климатом, густыми лесами, каменистыми почвами. Русские всегда переселялись группами и принимались за обработку целинных участков, постоянно поддерживая, подстраховывая друг друга; многие виды работ выполнялись ими коллективно. Финн селился на новой земле лишь со своим небольшим семейст-

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

вом и в одиночестве принимался за борьбу с природой. Шаг за шагом он создавал поле, на котором мог вырасти какой-то урожай, строил избушку. Часто этим все и кончалось, поскольку работа оказывалась неподъемной. Но приходил другой и продолжал дело, сколько хватало сил.

Этот пример, как и предыдущий, интересен тем, что не имеет очевидного объяснения. В множестве исторических трудов, начиная с классиков русской истории, утверждается, что коллективный характер заселения и освоения земельных угодий диктовался жесткой необходимостью. Природные условия, в которых оказывались русские, продвигаясь на север и северо-восток, были слишком сложны, и иной, чем коллективный, способ их освоения представляется невысказанным. Загляните в учебник истории России соответствующего периода и вы найдете там именно это объяснение. Оно выглядит весьма убедительным только потому, что авторы игнорируют другой алгоритм освоения финнами таких же и худших в природном отношении территорий. Между тем финские племена, не сливаясь с русским населением, также двигались на север. Несмотря на близкий контакт между русскими и финнами, последние почему-то не заимствовали у русских способ освоения новых земельных угодий, который, казалось, был значительно более рациональным. И в XIX веке, когда шел активный процесс освоения земель внутренней Финляндии, финн продолжал действовать в одиночку.

Если признать, что в приведенных выше примерах имела значение специфика восприятия народами территории, то нужно поставить вопрос, в чем состоит эта специфика.

Решение этого вопроса упирается в понимание культуры. Я определяю ее как систему внебиологически выработанных механизмов, посредством которых программируется и реализуется активность людей в обществе. Эта мысль, опирающаяся на идеи Л. Уайта, со всей отчетливостью впервые была сформулирована в работах Э. Маркаряна и быстро стала популярной среди отечественных культурологов. «Изучение истории общества сквозь призму понятия "способ деятельности", — писал Маркарян, — позволяет абстрагировать вполне определенный культурный срез, элементами которого выступает комплекс внебиологически выработанных средств; благодаря им действия людей особым образом стимулируются, программируются, воспроизводятся... Этнические культуры представляют собой исторически выработанные способы деятельности, благодаря которым обеспечивалась и обеспечивается адаптация различных народов к условиям окружающей их природной и социальной среды» [4, с. 8, 9]. И если речь идет о выделении культурных явлений в особый класс, то они понимаются «как сложнейшая, удивительно многоликая, специфически характерная для людей система средств, благодаря которой осуществляется их коллективная и индивидуальная деятельность... Обобщенно же выразить эти средства можно с помощью понятия "способ (технология) деятельности"» [5, с. 26].

Это определение очень удобно для объяснения специфики пространственных представлений различных народов, поскольку позволяет говорить о наличии у каждого народа собственной "технологии" деятельности и об интерпретации элементов пространства как об элементах данной технологии.

Культурные модели, регулирующие характер активности членов этноса в мире и их взаимодействие между собой, следует назвать *адаптационно-деятельностными*. К подробному объяснению их сущности я обращусь ниже, а пока отмечу самое важное: адаптационно-деятельностная модель представляет собой алгоритм функционального конфликта, который реализуется в процессе взаимодействия внутриэтнических (внутрикультурных) групп. При различных внешних обстоятельствах он может принимать разное внешнее выражение, не имеет устойчивого ценностного обоснования, но всегда обладает одной и той же внутренней структурой.

О массовых переселенческих движениях в России писали, что они в отличие от аналогичных движений в Европе "были издревле и остаются до сих пор явлениями внутреннего быта" [6, с. 4]. Однако в каких бы формах эти движения ни выражались,

они имели характер бегства от государства (вызванного в конечном счете постоянным конфликтом между крестьянским миром и государственными структурами). По точному замечанию историка Л. Сокольского, "бегство народа от государственной власти составляло все содержание народной истории России... Вслед за народом шла государственная власть, укрепляя за собой вновь заселенные области и обращая беглых вновь в свое владычество" [7, с. 1]. Начиная с первого правительственного указа о запрещении переселений и утверждении застав (1683) главными его нарушителями "были царские же воеводы, о чем хорошо знало и центральное правительство. Воеводы вместо того, чтобы разорять самовольные поселения... накладывали на них государственные подати и оставляли их спокойно обрабатывать землю" [8, с. 11]. Это естественно, поскольку "нигде русское движение не было исключительно военным, но всегда вместе с тем и земледельческим" [9, с. 57]. Но при всей важности для государства народной колонизации (без которой "казенная колонизация не имела бы поддержки и стерлась бы" [6, с. 11]), идет словно бы игра в "кошки-мышки". Вплоть до XX века "переселенец тайком бежал с родины, тайком пробирался в Сибирь по неудобным путям сообщения" [10, с. 92]. До конца 80-х годов XIX века "ходоки и организаторы мелких переселенческих партий приравнялись к политическим агитаторам и выдворялись на родину по этапу" [10, с. 62].

Когда же государство наконец официально разрешило переселение, оно всё-таки не управляло этим процессом. Исследователь переселений начала XX века продолжал говорить о вольной колонизации: "От тундры до пустыни идет вольная русская колонизация; я говорю вольная, так как дело Переселенческого Управления сводится к неполному удовлетворению спроса" [11, с. 136].

Поскольку колонизация зачастую оставалась "вольной", то переселенцы были в большинстве случаев предоставлены сами себе и успех предприятия зависел, в частности, от "их умения и средств входить в сделки с аборигенами" [10, с. 62]. Описывая историю русских поселений, автор начала XX века отмечает поразительное упорство, с которым крестьяне отстаивали свое право жить на понравившейся им земле: "Первые годы, незнакомые с условиями жизни, переселенцы (в Муганскую степь, Закавказье. - С.Л.) страшно бедствовали, болели лихорадкой и страдали от преследований туземцев, но в течение времени они понемногу окрепли и в настоящее время Петропавловское является зажиточным селением" [12, с. 35].

Практически беззащитные, рассчитывавшие в большинстве случаев на себя, а не на покровительство государственной власти, русские переселенцы не имели никакой возможности ощущать себя "высшей расой". Но этот, порой мучительный, процесс освоения русскими колонистами новых территорий обеспечивал внутреннюю стабильность Российской Империи. Государственная защита переселенцев значительно снижала глубину интеграции и интериоризации "забранного" края.

Однако если учесть почти нелегальный характер русской колонизации, отсутствие реальной заботы о переселенцах, парадоксальными представляются толки и слухи, сопутствующие массовым переселениям конца XIX - начала XX века, которые очень походили на бегство, сплошь и рядом были несанкционированными. В них очень отчетливо присутствовал мотив *государственной льготы* для переселенцев. Еще только-только был занят Мерв, а туда уже направились крестьяне, свято верившие, что там их ждут государственные льготы (которых и в помине не было). «Смелые русаки без раздумья и ничтоже сумняшеся валили из своей Калуги в "Мерву", как они называли Мерв, движимые темными слухами, что вызывали сюда, в "забранный край", народушко российский на какие-то "царские работы"» [13, с. 254]. Все эти толки показывают, что крестьяне воображали, что служат государству, от которого бегут...

Крестьянская колонизация - практически во всех ее формах - может быть представлена как конфликт крестьянского "мира" с централизованным государством. Однако этот конфликт, повторяясь бесчисленное число раз, оказывается как бы "снятым". Ведь крестьянская община сама была мини-государством со всеми функциями и даже некоторыми атрибутами государства. Россия в народном восприятии,

вне зависимости от реального положения вещей, была федерацией таких "миров", "миром" в более широком смысле. Крестьяне были связаны психологически именно с этой Россией-"миром", а не с Российским государством. Но Россия как "мир" не знает границ - она везде, где поселятся русские. Поскольку русские живут в определенном месте, оно само по себе уже воспринимается как территория России и включается в ее "сакральные границы". Этот своеобразный перенос понятий и обеспечивал силу русской экспансии. Он же служил и стержнем функционального внутринационального конфликта.

Итак, модель русской колонизации может быть представлена следующим образом. Русские, присоединяя к своей империи очередной участок территории, словно бы разыгрывали на нем мистерию: бегство народа от государства - возвращение беглых вновь под государственную юрисдикцию - государственная колонизация новоприсоединенных земель. Так было в XVII веке, так оставалось и в начале XX: "Крестьяне шли за Урал, не спрашивая, дозволено ли им это, и селились там, где им это нравилось. Жизнь заставляла правительство не только примириться с фактом, но и вмешиваться в дело в целях урегулирования водворения переселенцев на новых землях" [14, с. 122].

Этнические константы

Модель народной колонизации может рассматриваться как адаптационно-деятельностная. Как она формируется?

Люди видят мир сквозь призму бессознательных представлений о способе и характере действия человека в мире, являющихся инструментом рационализации мира в качестве арены деятельности человека. Эти представления неизменны на протяжении всей жизни этноса. Я буду называть их этническими константами.

С их помощью люди рационализируют мир таким образом, чтобы в нем стала принципиально возможна человеческая деятельность. Ведь для того, чтобы любое действие стало психологически реализуемым, человек должен прежде всего в своем сознании локализовать опасность, исходящую извне, назвать, определить ее. Человек также должен определить себя в качестве субъекта действия, а для этого приписать себе определенные качества, делающие его годным к действию, в частности вписать себя в некую общность людей, способных к совместному действию. В каждой этнической культуре видение этой общности свое, особое.

Этнические константы включают в себя представления, описывающие мир в качестве арены действия, т.е. сведения о локализации источника зла, локализации источника добра, о поле действия, условиях действия человека, о способе действия, при котором добро побеждает зло.

Их структура специфична для каждого этноса. Например, "источник добра" может включать в себя несколько парадигм, в частности "образ себя" и "образ покровителя". "Образ себя" - это субъект действия, а "образ покровителя" можно определить как атрибут действия, т.е. как то, что помогает совершаться действию. Обе эти парадигмы могут совмещаться за счет того, что атрибуты, делающие действие возможным, приписываются непосредственно самому себе. Поскольку этническое сознание по своей сути коллективно, то "образ себя" - это "мы-образ", образ коллектива, способного к совместному действию. Содержание "образа себя" - то, что именно член данного этноса принимает за свой базовый коллектив, что для него является коллективом.

"Образ себя", т.е. представление о субъекте действия, и "образ покровителя", т.е. представление об условии действия, определяют характер действия человека и тип взаимосвязи между членами коллектива. "Источник зла" может быть назван "образом врага", хотя такое тождество само по себе не подразумевает персонификацию "источника зла", а лишь его концентрацию на каком-либо объекте; "источник зла" - это то, что мешает действию, и то, против чего направлено действие. Он также влияет на характер действия.

В целом складывается система образов, характеризующих арену деятельности человека как члена того коллектива, который является для него первичным "мы". А если так, то создается основание для того, чтобы внешняя конфликтность воспринималась "драматизированно", через взаимодействие "образов", имеющих в каждой этнической культуре неповторимые особенности. Каждый из "образов" имеет собственный характер и состоит в определенных отношениях с другими "образами". Через их посредство в каждой культуре складывается канон восприятия реальности. Активность человека с этой точки зрения предстает как взаимодействие "образов". Осваиваемое пространство имеет черты, которые согласуются с "мы-образом" и с другими компонентами схемы мира, которая существует в этническом сознании.

Если стремиться реконструировать систему этнических констант, то каждый "образ" надо описывать как особый субъект действия. Скажем, если надо охарактеризовать особенности "образа покровителя", то нас будет интересовать прежде всего, как происходит появление "покровителя" на арене действия и где он локализуется, когда потребности в нем нет, каков механизм его "сохранения", "консервации". Реконструкция системы этнических констант будет выглядеть как динамическая модель взаимодействия "образов", и этническими константами являются именно эти взаимосвязи, взаимозависимости. Человек строит свое поведение как бы внутри этой системы взаимосвязей и взаимодействий, ощущая себя одним из компонентов этой находящейся в непрерывном движении системы. Именно такое видение мира формирует этническая культура.

Отмечу, что речь идет не о мифологической схеме. Все эти образы имеют лишь формальные, "технологические", а не содержательные, проблемные черты. Как объяснить это более просто? Скажем, в некоем литературном жанре по его законам должны присутствовать те или иные персонажи: злодей, рыцарь и т.п. В каждом конкретном произведении эти персонажи имеют собственные имена и индивидуальные черты, но при этом сохраняется тот набор характеристик персонажей и моделей отношений между ними, а также динамика сюжета, которые требуются спецификой жанра. В общем и целом этническая культура создает подобный канон восприятия мироздания. Она порождает такие парадигмы восприятия, что все объекты внешнего мира либо встраиваются в выработанные ею образы, этнические константы, подвергаясь при этом более или менее значительным искажениям, либо вовсе не воспринимаются человеком. Жизнь этноса меняется, как и культурные, политические, экономические условия, в которых он живет. А значит, меняется и тот внешний опыт, который народ должен воспринимать и упорядочивать. Возникает как бы новая пьеса. Но она оказывается написана в соответствии с прежним каноном, только на новом материале. Картины мира будут сменять друг друга, но благодаря этническим константам их структура в своем основании будет оставаться прежней.

Можно сказать, что этнические константы подобны грамматическим парадигмам, из которых должна быть составлена структура предложения. Эти парадигмы выстраиваются в определенном порядке (образуют как бы форму предложения), а затем заполняются конкретным содержанием. Этническими константами являются не содержательное наполнение "образов", а приписываемые им общие характеристики. Их наполнение содержанием представляет собой перенос (трансфер) бессознательных образов на реальные объекты. Вокруг объектов трансфера и организуются все прочие элементы реальности, образуя в этнической картине мира полюса "добро" и "зло" и "нейтральное поле" - "поле действия". К этим значимым объектам стягиваются все смысловые связи этнической картины мира, они же задают *сюжет* в жизни этноса, поскольку через их посредство на реальную действительность проецируется тот конфликт между "источником добра" и "источником зла", которые представлены в этнической культуре. На их основе выстраиваются парадигмы внешней и внутренней "политики" этноса. Эти объекты становятся ключевыми на арене действия этноса, как бы точками отсчета.

Этнические константы нейтральны по отношению к той или иной ценностной

направленности. Этнический образ мира - это производная от этнических констант, с одной стороны, и ценностной ориентации - с другой. Таким образом, этнические константы являются парадигматическими формами, которые получают конкретное наполнение посредством трансфера, направленность которого определяется ценностной ориентацией. Этнические константы и ценностная ориентация соотносятся как *условие* действия и *цель* действия.

Наличие у различных членов этноса и их социально-функциональных групп различных ценностных ориентаций неизбежно ведет к тому, что этнос *не имеет единой картины мира*. Можно даже сказать так: сам процесс трансфера отражает общую направленность человеческой личности. Трансфер является результатом выбора, но не в том смысле, что люди могут самопроизвольно выбирать тот или иной объект трансфера, а в том, что наполнение бессознательных комплексов конкретным содержанием зависит от общих интенций человеческой личности, ее целеполагания. Например, в этнической культуре может существовать некоторый неизменный с точки зрения технологических, внесодержательных характеристик "образ покровителя", но на кого этот образ будет перенесен, зависит от идеологии носителей данных этнических констант. Другое дело, что при этом то, что служит объектом трансфера, видится через призму, которую формируют этнические константы.

Таким образом, в рамках этнической традиции существует целый комплекс различных этнических картин мира, внешне значительно отличающихся друг от друга, но имеющих один и тот же "каркас" - систему этнических констант.

В этнической традиции присутствует и другой компонент - культурная тема, являющаяся центральной для данного народа. Те понятия или институты, которые становятся культурными темами этноса, так или иначе связаны с религиозными представлениями, характерными для той или иной этнической культуры, или, точнее было бы сказать, с формами социальной интеграции, получившими в данной культуре религиозное обоснование.

Более правильно рассматривать культурную тему как тип устойчивого трансфера, который отражает парадигму "условия деятельности" в сознании членов этноса. Культурная тема, будучи результатом устойчивого (что вовсе не означает неразрушимого) трансфера, включается в картины мира внутриэтнических групп, а следовательно, в разные ценностные системы и в ходе истории этноса может представлять в различных интерпретациях (вплоть до взаимопротивоположных). То или иное восприятие центральной культурной темы зависит от ценностных ориентаций членов этноса и их социально-функциональных групп.

Этническая культура оказывается распределенной между своими носителями. Этнические константы посредством процесса трансфера переносятся на различные объекты действительности. Эти трансферы устойчивы в большей или меньшей степени. Наиболее устойчивы трансферы, связанные с парадигмой "условия действия", они становятся доминирующими культурными темами этноса. На базе одних и тех же этнических констант формируется целый комплекс картин мира, в каждой из которых эти культурные темы интерпретируются различным образом.

Итак, этническая культура представляет собой довольно сложную систему. Можно предположить, что распределение культуры, основанное на единых этнических константах, расщепление культурной темы этноса имеет функциональное значение. Если система этнических констант представляет собой одновременно и модель, на основании которой члены этноса действуют в мире, и модель их взаимодействия друг с другом, то распределение культуры является чем-то вроде *пускового механизма самоорганизации* этноса. Деятельность в мире и самоорганизация — две стороны одной медали. Этническая система посредством динамического восприятия окружающего мира упорядочивает не только внешнюю реальность, но и *себя* в качестве компонента этой реальности.

Если в этнической картине мира реальность предстает человеку как арена действия, то неудивительно, что она является системой, в которой поддержание

равновесия возможно, только если она находится в динамическом состоянии. Подобно двухколесному велосипеду, она обретает устойчивость лишь в движении.

Будучи по природе динамичной, этническая картина отражает изначально конфликтное восприятие мира. В ней предзадан конфликт между "мы-образом" и "источником зла". Но внутренне конфликтно и восприятие самой своей культуры, своего этноса, поскольку он не однороден и не встраивается автоматически в "мы-образ". Существование внутри этноса ряда картин мира, имеющих в своем основании общие этнические константы, но разные ценностные системы, различные интерпретации главных культурных тем, ведет к тому, что внутри этнической системы неизбежен конфликт.

Но раз система этнических констант определяет взаимоотношения частей этноса, то задается и сама структура этого конфликта, который оказывается "мотором", поддерживающим необходимый для выживания (а выживание, адаптация всегда понимаются в неразрывной связи с расширением сферы деятельности) динамизм этнической системы. Это означает, что внутриэтнический (внутрикультурный) конфликт функционален.

Адаптационно-деятельностная модель является моделью функционального внутриэтнического конфликта. Это модель взаимодействия внутриэтнических социально-функциональных групп, в том числе и тех, которые находятся в конфликте и не могут иметь между собой никаких договоренностей, но действуют синхронизированно, подвинуясь ритмам функционального внутриэтнического конфликта. Акт за актом как бы разыгрывается драма, каждое действие которой кажется изолированным и не имеющим отношения к целому, но все вместе они приводят к созданию новых общественных институций, дающих этносу в целом возможность конструктивной деятельности. Конечно, для внешнего наблюдателя действия в соответствии с адаптационно-деятельностной схемой могут показаться излишне усложненными и многоэтапными. Но здесь встает вопрос не только о рациональности действия, но и о психологической комфортности. Алгоритм действия членов этноса соответствует их восприятию мира. Поскольку в этнической картине мира реальность всегда схематизирована, а значит, искажена, то и действия людей с объективной точки зрения "непрямолинейны". Человеческое действие, становясь культурным феноменом, должно быть вписано в общую структуру бытия, а потому его рациональность понятна только внутри логики данной культуры.

Адаптационно-деятельностная модель "технологична". Она - алгоритм взаимодействия отдельных частей этноса и может реализовываться на самом различном материале, причем за разными ее реализациями не всегда легко увидеть единое основание. Она лишена и какого-либо идеологического обоснования - люди действуют в соответствии с адаптационно-деятельностной схемой потому, что им удобно действовать именно так. А уже постфактум они тем или иным способом обосновывают свои действия.

Любая идеология, принимаемая этносом, адаптируется им на основании тех же принципов, что и представления о природном окружении. И внешнее природное окружение, и воспринимаемая народом ценностная, идеологическая система с этно-психологической точки зрения - явления одного порядка. Это - внешняя среда, природная или социокультурная. Обе требуют приспособления. Обе определенным образом рационализуются в восприятии народа. Элементы обеих способны становиться объектами трансфера этнических констант. Эти трансферы могут быть общими для всего этноса, а иногда присущи только одной или нескольким внутриэтническим группам. Становясь объектом трансфера этнических констант, идеология превращается в "декорацию", изображающую "поле действия" этноса.

Реализация адаптационно-деятельностных моделей, присущих той или иной этнической культуре, связана с "проигрыванием" на материале данной модели тех или основных аспектов культурной темы. Благодаря своей "драматизированной", диалоговой структуре адаптационно-деятельностная модель строится на взаимодействии

различных внутриэтнических групп и, следовательно, различных вариаций этнической традиции.

Особенности русской крестьянской колонизации

Обратимся к тому восприятию пространства, которое сопутствовало русской крестьянской колонизации. Описывая модель народной колонизации, я выделила те черты процесса освоения территории, которые в каждом конкретном случае могут казаться случайными, но повторяются из раза в раз даже тогда, когда они неизбежно ведут к сложностям, внутренним и внешним конфликтам. Они имеют глубинную подоплеку и связаны со структурообразующими представлениями данного народа о пространстве его активности - этническими константами.

Для русских, вне зависимости от того, какие цели ими движут и каковы их ценностные доминанты, арена действия - это "дикое поле", пространство, не ограниченное ни внешними, ни внутренними преградами. Освоение территории происходит посредством выбрасывания в "дикое поле" определенного излишка населения. Этот излишек на любом новом месте организуется в самодостаточный и автономный "мир". "Мир" и является субъектом действия, в частности субъектом, осваивающим территорию. На более высоком уровне этот образ, осознаваемый как "мы", переносится на весь народ, так что сам народ начинает восприниматься как большой "мир".

В своей первоначальной форме русская колонизация представляла собой как бы наложение "чешуек", участков территории, находившихся в юрисдикции отдельных "миров". Видимо, эта "чешуйчатая" структура пространства и характерна для русского восприятия. Так, большие территории, присоединяемые посредством военной силы, в идеале должны были тут же покрываться мелкими "чешуйками" территорий отдельных русских "миров". "Дикое поле" осваивается, интериоризируется, приобретающая "чешуйчатую", "мирскую" структуру. Земля занимается для того, чтобы попасть под механизм общинных переделов, ибо это есть *должное*, по мнению крестьян, состояние всякой земли: она, по определению, является объектом передела. Этим объясняется и напор крестьянской колонизации даже в тех краях, которые по своим природным условиям, казалось бы, были не пригодны для оседлости русского населения.

Уточню, что в качестве "дикого поля" народом воспринималась любая территория. Ее прежняя структурированность, будь то племенное деление территории или границы древних государственных образований, игнорировалась. Признавались в какой-то степени лишь права туземной общины (если таковая имелась), т.е. воспринималась лишь "мирская" модель организации территории.

Природная способность русских к ассимиляции обычно преувеличивалась и ими самими, и внешними наблюдателями. Причина этой ошибки состоит в том, что на многих территориях империи ассимиляция происходила быстро и почти безболезненно. Но так было не везде и не всегда. С психологической точки зрения русские колонисты были чрезвычайно интровертны, замкнуты в себе и вообще не склонны обращать особое внимание на инородческое население. Русский человек неуютно чувствовал себя там, где сталкивался с туземными народами, обладавшими собственной развитой культурой и национальным чувством, как это было, например, в Приамурье, где китайцы жили в демонстративной изоляции от русских.

Особенности британской колонизации

Русскую колонизацию следует сравнить с британской народной колонизацией, для того чтобы увидеть разницу между двумя народами в восприятии заселяемого пространства.

Для английской колонизации характерны две основные черты. Во-первых, вплоть до XIX века "английское правительство, в противоположность испанскому и порту-

гальскому, на деле не принимало никакого участия в основании колоний; вмешательство метрополии в их внутреннюю организацию по праву всегда было ограничено, а реально равнялось нулю" [15, с. 65]. Английский историк Е. Баркер писал: "Когда мы начали колонизацию, уже имелась идея - социально-политическая идея, - что, помимо английского государства, существует также английское общество, а точнее - английские добровольные общества (и в форме религиозных конгрегаций, и в форме торговых компаний), которые были готовы и способны действовать независимо от государства и на свои собственные средства... Именно английские добровольные общества, а не государство, учреждали поселения в наших ранних колониях и таким образом начали создавать то, что сегодня мы называем империей" [16, р. 55].

Во-вторых, связи англичан с местным населением их колоний были минимальны, и отличительной чертой английских колоний являлась многочисленность эмигрантов из Европы [17]. Смешанные браки европейцев и туземцев были исключительным явлением. Дух миссионерства вплоть до XIX века вовсе не был присущ англичанам: они как бы игнорировали местное население.

Сколь сильны и многолюдны были британские колонии, основанные на слабо-заселенных землях, столь же труден был для англичан процесс интериоризации земель, заселенных достаточно плотно туземным населением. Между англичанами и местным населением словно бы стоял психологический барьер, чего не было у русских. Так, еще во времена колонизации Америки «угроза, исходящая от индейца, приняла для пуританина природно-тотальный характер, и в образе врага слитыми воедино оказались индеец-дикарь и породившая его дикая стихия природы... Пуританский образ индейца-врага наложил свой отпечаток на восприятие переселенцами пространства: оно для них активно, это пространство-"западня", полное подвижных и неожиданных препятствий» [18, с. 77].

Представляется, что и английский национализм, и ощущение себя в качестве высшей расы были в какой-то степени производными, чем-то вроде гиперкомпенсации комплекса, в основе которого лежало ощущение, "что все цветные должны неизбежно ненавидеть англичан", а потому "англичане естественным образом объединялись против небелых рас" [19, р. 144].

Британцы в своих владениях создавали себе узкий мирок, в который не допускались туземцы и который должен был воспроизводить английское общество в миниатюре. Однако психологическую неадекватность этого ощущения обнаруживает тот факт, что, прожив несколько лет в колониях, англичане, от колониальных чиновников до последних бродяг, возвращаясь в Англию, чувствовали еще больший дискомфорт [19]. Те, кто волей судьбы оказывался перед необходимостью более или менее близко соприкасаться с неевропейцами (чего англичане избегали), прибегали к самосознанию "аристократов" и впоследствии обращались в маргиналов в английском обществе. Ничего подобного не знает история никакого другого европейского народа. Таким образом, получается, что английская колонизация всегда так или иначе сопровождалась чувством разрыва с родиной и при этом стремлением отгородиться от мира психологическим барьером либо же отгородить мир от себя.

Любая новая территория, где селится англичанин, в его восприятии - "чистая доска", на которой он творит собственный мир по своему вкусу. Это в равной степени относится и к колонизации Америки, и к созданию Индо-Британской империи. "Будучи пионерами, осваивавшими богатую неразвитую страну, первые американцы верили в свою способность построить общество, отвечающее их желаниям" [20, р. 15]. Аналогичным образом и "индийская *tabula rasa* представлялась во всех отношениях весьма подходящей, чтобы устроить там общество на свой собственный манер" [19, р. IX].

В чем-то этот образ был близок образу "дикого поля у русских, но имел одно очень существенное отличие. Русские осваивали "дикое поле", вбирая его в себя, не стремясь ни ограничить его, ни устранить встречающиеся на нем препятствия.

Русские как бы игнорировали конфликтогенные факторы, связанные с новой территорией, и не прилагали никаких усилий, чтобы устранить их возможное деструктивное действие. Эти конфликтогенные факторы изначально рассматривались не как внешние, а как внутренние трудности, от которых не уйдешь, но которые не подлежат планомерному устранению, а могут быть сняты только в более широком контексте деятельности этноса. Англичане же, если они не могли избежать столкновения с тем, что порождает конфликтность (а сам факт существования туземного населения уже являлся для них конфликтогенным, поскольку туземное население так или иначе препятствовало реализации собственно английских представлений), стремились поставить между собой и местным населением барьер. Психологическая необходимость этого барьера и обуславливала характер освоения англичанами новой территории.

К чему приводило наличие в английской колониальной практике психологического барьера между англичанами и коренным населением колоний? Э. Спайсер описывает, как из "политики изоляции" постепенно развивалась система резерваций, реализованная на практике в Северной Америке. Изначально с рядом индейских племен были подписаны договоры как бы о территориальном разграничении. Но для англичан существенным в этих договорах было не определение территориальных границ (напротив, они изначально игнорировали эти границы), а то, что в результате самого акта подписания договора индейское племя превращалось в некий юридический субъект, отношения с ним вводились в строго определенные и ограниченные рамки. Очевидная бессмысленность наделения индейцев статусом юридического лица при том, что никакие права де-факто за ними не признавались, связана с желанием англо-американцев придерживаться даже в случаях откровенного насилия определенных ритуалов, собственных международным отношениям. Это доказывает, что внешний статус индейцев имел в глазах колонистов самостоятельную ценность [21]: он давал возможность экстериоризовать туземный фактор, отделить его от себя и тем самым абстрагироваться от него.

Основным субъектом действия в английской модели колонизации является некое "общество", "сообщество" (все равно, религиозное или торговое). Поскольку в британской имперской идеологии понятия "сообщество" и "империя" синонимичны, то в данном контексте сами эти сообщества превращались в "мини-империи". Не случайно Ост-Индскую компанию называли "государством в государстве", а лорд Керзон именовал Индию империей в империи [22]. Каждое "сообщество" в конечном счете складывалось не в силу каких-либо исторических причин, а потому, что такой способ действия для англичан наиболее комфортен (он соответствовал "образу коллектива" в картине мира англичан), и все более замыкалось в себе, абстрагируясь как от туземного населения, так и от метрополии. Создавалась структура взаимосвязанных "мини-империй". Единство этой структуры вплоть до конца XIX века практически выпадало из сознания англичан, оно не было принципиально важным. Субъектом действия были "мини-империи".

Между этими "мини-империями" и "центром", именовавшим себя Британской империей, существовало постоянное непреодолимое противоречие: "центр" стремился привести свои колонии ("мини-империи") к "единому знаменателю", а колонии, самодостаточные по своему внутреннему ощущению, противились унификации, восставали против центра, юридически отделялись от метрополии. Впрочем, хотя отделение Соединенных Штатов вызвало в Британии значительный шок и появление антиимперской идеологии "малой Англии", но это несколько не снизило темпов реального имперского строительства, в результате чего сложилась так называемая вторая империя. Сама по себе колониальная система, структура, созданная из "мини-империй", имела по существу только пропагандистское значение. В известном смысле прав русский геополитик И. Вернадский, который писал о Британской империи, что "по своему внутреннему устройству и по характеру своего народа эта страна может легко обойтись без той или другой колонии, из которых ни одна не сплочена с нею

в одно целое и каждая живет своей особенной жизнью. Состав британских владений есть, скорее, агрегат многих политических тел, нежели одна неразрывная целостность. Оторвите каждое из них, и метрополия будет существовать едва ли не с прежней силой. С течением времени она даже приобретет новые владения, и старая потеря почти не будет для нее заметна" [23, с. 114, 115].

Средняя Азия и Индия: проблема взаимовлияния

Результаты изучения русской и британской моделей колонизации можно применить к анализу положения Средней Азии в составе Российской Империи и Британской Индии. Эти регионы двух империй почти смыкались друг с другом и потому обе империи пристальным образом наблюдали за действиями друг друга, анализируя каждое нововведение, перенимали, иногда даже бессознательно, все, что казалось разумным. Так, в Британской Индии наблюдалась явная тенденция к прямому и унитарному правлению. К 70-м годам XIX века 3/5 территорий находились под прямым управлением британской короны, лишь 2/5 являлись протекторатами. На протяжении XIX века, особенно второй его половины, наблюдалась и явная тенденция к авторитаризму. Ост-Индская компания была как бы государством в государстве, обладала правом объявлять войну и заключать мир. После упразднения компании в 1858 году в компетенцию индийского правительства продолжало входить множество внешнеполитических вопросов. Но и российский Туркестан тоже представлял собой достаточно автономное образование, находясь под почти неограниченной властью генерал-губернатора. Подобно англичанам русские в Средней Азии сохраняли многие формы местного самоуправления и судопроизводства, хотя на других окраинах система самоуправления и социальная структура унифицировались по общероссийскому образцу (исключая Польшу и Финляндию). Туркестанская администрация заимствовала у англичан идею подчеркнутого уважения национальных и религиозных проявлений местного населения (как залога стабильности империи) и одновременно принимала самые крутые карательные меры даже в случае мелких возмущений. Таким образом, статус местного населения Туркестана постепенно приближался к статусу населения колоний в западноевропейском смысле и положение жителя Туркестана значительно отличалось от положения жителей других окраин Российской Империи.

Между тем в имперской практике русских в Средней Азии и англичан в Индии оставались феномены, которые резко контрастировали между собой. Это касается характера и интенсивности народной колонизации регионов. Известно, сколь интенсивна была русская крестьянская колонизация Туркестана, даже хлопковых земель несмотря на тяжелый климат этих мест. Английское же население в Индии, не состоявшее ни на военной, ни на государственной службе к концу XIX века составляло не более 100 тыс. человек [24]. И это при том, что с 1859 года британское правительство проводило политику, направленную на привлечение британцев в Индию, а на индийском субконтиненте имелись нагорья, по климату, растительности и населению вполне пригодные для колонизации. Индийские Гималаи могли бы стать "великолепной находкой для голодающих крестьян Ирландии и горных местностей Шотландии"[25, р. 11].

При межкультурных контактах относительно легко заимствуются внешние проявления культуры идеология, ценности, даже язык. Но парадигмы, связанные с бессознательными комплексами, характеризующими условие, способ и характер активности человека в мире (выше я назвала их этническими константами), не подвержены культурным влияниям, так же как и модель функционального и внутриэтнического конфликта, присущая тому или иному этносу.

Любая культурная черта может уступать место иной, заимствованной из другой культуры только в том случае, если она не является существенным элементом функционального внутриэтнического конфликта. Поэтому характер управления

Туркестаном, отношение к местному населению, идеология завоевания могли быть заимствованы у англичан. А модели народной колонизации были производными от такого конфликта, не заимствовались или же воплощались даже вопреки внешне неблагоприятным условиям.

Характер отношения к земельному наделу, о чем я говорила в начале статьи, также может быть (а может и не быть) сопряжен с функциональным внутриэтническим конфликтом. Это объясняет, почему многие народы, традиционно считавшиеся очень консервативными (арабы, курды), легко приняли переход к купле-продаже земли, а народы, у которых, казалось, частная собственность в крови (армяне, например), упорно не отказывались от общинно-уровнительного землепользования.

Противоречия стратегий снятия конфликта: Россия и Армения

В случае слишком близкого соприкосновения народов, имеющих различную структуру внутриэтнических конфликтов в сферах жизни, эту структуру затрагивающих, возникает конфронтация, которую политологи тщетно пытаются объяснить внешними факторами. Описывая различия в русской и британской моделях колонизации, я обратила внимание на проблему интериоризации или экстериоризации народом внешней конфликтности. Эта же проблема, но уже в другом выражении, выступает на первый план в случае русско-армянского взаимодействия.

Русские интериоризируют внешнюю конфликтность и стремятся нейтрализовать ее внутри самих себя. Для них характерна устойчивость внутренних альтернатив, которая и служит механизмом реагирования на интериоризированные конфликты. Эти конфликты "проигрываются" в себе. Для армян, напротив, характерна экстериоризация конфликтности. Русские, присоединяя к своей империи очередной участок территории, словно бы разыгрывали на нем свою "драму" (бегство от государства - возвращение беглых под государственную юрисдикцию - государственная колонизация новоприобретенных территорий). Новая территория как бы втягивалась русскими в себя. Для армян же, напротив, характерно стремление "убрать" с осваиваемой территории все, что может стать источником конфликта, и эту территорию оградить.

Соприкосновение этих двух моделей приводило к значительным эксцессам в Закавказье. И причины этих конфликтов часто не были политическими по своему происхождению. Более того, сама их структура может служить ключом к тому, чтобы понять неосознанные причины, заставляющие стороны снова и снова повторять одни и те же действия, каждый раз приводящие к конфликту.

Примером этого может служить освоение некоторых районов Закавказья. В публицистике начала XX века можно встретить огульные обвинения армян в препятствовании русской колонизации, в сепаратизме. Однако они были абсолютно несправедливы: идеал Российской Империи как Великого Христианского Царства был близок армянам (за исключением революционеров). Проблема состояла в том, что образ активности армян и русских на вновь осваиваемых территориях был столь различен, что приводил к неприятию армянами моделей русской крестьянской колонизации.

Русские крестьяне в конце XIX века постепенно расселялись в причерноморских районах, представлявших собой девственные леса и бездорожье. В районах заселения неоднократно появлялись экспедиции, судя по спискам состоявшие в основном из армян. Крестьянам начинали доказывать, что регион еще не пригоден для проживания, тем более для переселенцев из других климатических зон, поскольку, например, заражен малярией (внутренний деструктивный фактор, в данном случае экологического происхождения, еще не устранен). Русским между тем становилось вовсе не до малярии. Они видели, что кто-то посторонний вторгается в их жизнь со своими советами. Начинался скандал с массой взаимных обвинений. Русские подо-

зрели армян в сепаратизме, а армяне смотрели на русских как на недотеп, которым досталась огромная и прекрасная страна, а они не в состоянии ее благоустроить.

В итоге русская колонизация Закавказья была поразительно неэффективной. Число русских, поселившихся в крае, не превышало 5% общей численности населения.

Можно привести современный пример, как структура внутриэтнического конфликта влияет на восприятие пространства народом. Покажу это на расселении карабахских армян.

Для этого надо вновь рассмотреть модель внутриэтнического конфликта. Как уже говорилось, адаптационная схема, принятая армянами, строится на процессе экстернизации конфликта. Внутриэтнические группы не являются устойчивыми, поскольку этнос не имеет единой застывшей схемы адаптации. Принадлежность к той или иной ценностной ориентации в армянском этносе принципиально ненаказуема (нерепрессируема обществом). Наказуемы действия, нарушающие баланс экстернизированной конфликтности, т.е. сопротивление принятому народом действию по отношению к внешнему миру.

Особую роль в модели внутриэтнического конфликта у армян играет "образ покровителя", который вступает в действие в критический момент, разрушает узел неразрешимых проблем и покидает историческую сцену. Довольно прочным был перенос "образа покровителя" на русских (неких "идеальных русских"), так же как и закрепление "образа врага" за турками.

Интересно восприятие армянами "поля действия". Одной из значительных в их системе мировосприятия является идея "сакральной территории". Подобная философия мировосприятия не мыслит поддержания жизнедеятельности вне некоего "сакрального поля", ассоциирующегося не столько с конкретной территорией, сколько с условиями, обеспечивающими осуществление деятельности посредством покровительства внешней силы. Союз с этой силой воспринимается не как нечто вынужденное, а как наиболее ценный компонент всей системы жизнедеятельности. Любой внутренний конфликт вызывается в основном различным пониманием той или иной субэтнической группой идеи и характера внешнего союза [26].

Если обратиться к материалам, касающимся заселения сельских районов, перешедших под фактическую юрисдикцию НКР, то становится очевидным, что армяне-переселенцы воспринимают как пригодные для проживания только районы, которые в их представлении ассоциируются с "образом покровителя" (это относится к Лачинскому и Кельбаджарскому районам). Присоединение последних к НКР комментировалось российскими СМИ (вопреки осуждающим официальным заявлениям) в сочувственном, порой даже приветственном тоне. Остальные территории независимо от их достоинств и реальной возможности заселения остаются пустующими (Кутаблинский, Зангеланский, Физулинский, Джебраильский, Агдамский районы). Более того, они вообще не воспринимаются как объект освоения. Не имеет значения, что Зангеланский район, как и Кельбаджарский, примыкает к Армении. Неважны и перспективы сохранения районов в юрисдикции НКР, а ведь в этом отношении Кельбаджарский район не кажется более надежным местом.

Проблема в том, что названные выше пять районов выглядят как пространство, "вычеркнутое из жизни", территория, оставшаяся вне покровительства. Всякое действие на ней парализовано, поскольку нет силы, которая выступала бы в образе покровителя данной территории или которой мог бы быть приписан этот образ.

* * *

Пространство всегда воспринимается народом через действие в процессе деятельности по его освоению. Для того чтобы человеческая деятельность на какой-либо территории была возможной, она должна стать объектом трансфера этнических констант и получить свое значение в рамках адаптационно-деятельностных моделей,

принятых данным обществом. То, что является для народа "полем деятельности", - это пространство, в котором соблюдаются "условия деятельности". Поэтому части территории для народа имеют неоднородную окраску, в зависимости от того, насколько они способны становиться "ареной действия". "Образ" конкретного региона не является застывшим. Пространство становится "действующим персонажем" во внутриэтнической драме. Степень его пригодности для освоения зачастую мало зависит от объективных природных и даже политических условий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кауфман А.А.* К вопросу о происхождении крестьянской общины. М., 1907.
2. *Качоровский К.Р.* Русская община. М., 1900.
3. *Акопян М.А.* Сельская община в Восточной Армении во второй половине XIX - начале XX вв. Ереван, 1988.
4. *Маркарян Э.С.* Об исходных методологических предпосылках исследования этнических культур//Методологические проблемы этнических культур. Ереван, 1978.
5. *Маркарян Э.С.* Проблема целостного исследования культуры в антропологии США //Этнология в США и Канаде. М., 1989.
6. *Кауфман А.* Переселение и колонизация. СПб., 1905.
7. *Сокольский Л.* Рост среднего сословия в России. Одесса, 1907.
8. *Дуров А.В.* Краткий очерк колонизации Сибири. Томск, 1891.
9. *Южаков С.Ю.* Англо-русская распря. СПб., 1867.
10. *Хворостинский П.* Киргизский вопрос в связи с колонизацией степи // Вопросы колонизации. СПб., 1907. Т. 1.
11. *Драницын Д.* Колонизационные задачи в Закаспийской области // Вопросы колонизации. СПб., 1910. Т. 7.
12. *Шавров Н.* Новая угроза русскому делу в Закавказье: предстоящая продажа Мугани инородцам. СПб., 1911.
13. *Марков Е.* Россия в Средней Азии. СПб., 1891.
14. *Шкапский О.* На рубеже переселенческого дела//Вопросы колонизации. СПб., 1907. Т. 7. С. 122.
15. *Мэхэн А.Т.* Влияние морской силы на историю. СПб., 1895.
16. *Berker E.* The Ideas and Ideals of British Empire. Cambridge, 1941.
17. *Леруа-Болье И.* Колонизация у новейших народов. СПб., 1877.
18. *Петровская Е.В.* Образ индейца-врага в истории американской культуры // Политическая мысль и политическое действие. М., 1978.
19. *Hutchins F.* The Illusion of Permanency. British Imperialism in India. Princeton, 1967.
20. *Morris J.* Pax Britannica. The Climax of Empire. London, 1968.
21. *Spicer E.* Cycle of Conquest. Tucson, 1970.
22. *Керзон.* Положение, занимаемое Индией в Британской империи. Ташкент, 1911.
23. *Вернадский И.В.* Политическое равновесие и Англия. СПб., 1877.
24. *Renfordt R.K.* The Non-Official British in India to 1920. Delhi, 1987.
25. *Hodgson J.* Report on the Administration of British India. 1836-1857. Calcutta, 1958.
26. *Саркисян М.* Армения перед миром современных глобальных проблем. Ереван, 1996.

© С. Лурье, 1998